

СТИХИ О ТРОИЦЕ

АНДРЕЙ РУБЛЁВ

Води рукой моей, творящий Боже!
Ни уяля, ни набросков — ничего.
Ни с чем былым явлённое не схоже.
Нет, это не искусство — естество.

Три ангела предвечного совета:
Рожденье и спасенье бытия.
Где Авраам? Где Сарра? Нет ответа.
Три ангела — пред ними только я.

Прозрение превьшие прежних правил,
Изображенье внятнее речей.
Зачем ты, Авраам, меня оставил?
Я тайновидец? Хватит ли очей?

Трапёзе ни начала, ни предела.
Взираю. Не рассуждаю. Не празднословь.
Меневенье — древо претворится в тело.
Меневенье — краски претворяются в кровь.

Век наполняет жертвенную чашу
И дуб растит для тяжкого креста.
Я, как смогу, суровый век украшу.
Да будет неизбытой красота!

ИОАНН ГРОЗНЫЙ

Мой Третий Рим — краса всяя Державы.
С тобою вместе креп я и мучал.
Я не искал мимотекущей славы —
И Царь царей Державу удержал.

Да не затмят её святого солнца
Ни бунтовщик, ни разжигатель смут.
Ни ханский энёт, ни спесь и гнусь ливонца,
Ни яё и серебролюбие люд.

Но я иссяк. Не утолить печали.
В своих грехах смиряюсь до зела.
Я слышу, где-то ножицы упали.
Царю — обитель. Царствию — метла.

Мне, как на дыбе, на державном троне.
И эта мука Богу лишь видна.
Я так хочу прильнуть к одной иконе:
Испить из чаши ангельской до дна.

Не оскверню греховными очами:
Одену образ в золотой оклад.
Пройдуть века — и Троицы лучами
Русь озарится, словно райский сад.

ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

Не ты ль ко мне зывала: "Павел! Павел!"?
Не ты ль ждала, когда я встрепенусь?
Очнулся я, стопы к тебе направил,
Мой тонкий сон, моя Святая Русь.

И я искал от пращуров наказа,
Вела к тебе от рода Кострома,

Я врываю в свой сретенский двор,
Словно в порт, из которого вышел.
Юрий Визбор, "Сретенский двор".

— Вселенная, ты говоришь по-русски?
Звезда с звездой по-русски говорит?

— Дерзай, мой сын.
Всегда тебе я внемлю.
Ты голос всех времён и всех племён.
Подставь ладонь,
держи родную Землю.
Канай её. Пусть видит мирный сон.

— Я думал, этот прах
многострадальный
В руке моей удержится едва...
"Заря"! "Заря"! Я — "Кедр".
Полёт нормальный.
В ладони — неземная синева,

Как синий цвет на "Троице" Рублёва.
И в этой синеве — душе приют...
От дуба тень, и трапеза готова.
"Заря"! "Заря"! Три ангела грядут.

АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ

Веленью Божию, о муза,
будь послушна,
Завесу тайны дерзко разорви.
Мой век, мой страх, пусти меня —
мне душно.
Иное время спит в моей крови.

Отец для Сына царственную негу
Не уготовил. С духом соберусь —
Я вижу: Сын с крестом идёт по снегу
Омыть слезой языческую Русь.

Я вижу: плачет отрок вдохновенный,
Льёт по наитию колокол души.
Я вижу: шар... земля...
полёт мановенья...
Пари, душа — и больше не греши.

Мне с детства серый цвет
туманил очи:
Мне пепла горсть отец принёс с войны.
Не посыпай главы, помилуй, отец!
Как жить, когда нам краски не видны.

"Как жить? Живи по Божьему закону", —
Сказал отец и потонул во мле,
Оставив мне рублёвскую икону.
И вот я самый зрячий на земле.

Я вижу: стали трое на распутье.
Кому куда — а стол на всех один.
И не достоин ног их разуть я:
Они сошли с неведомых вершин.

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

Россия! Нет тебя на свете краше,
Но велика красы твоей цена.
Мне говорил монах о зорькой чаше,
Что в жизни должен я испить до дна.

22 июня 2024 года икона «Святая Троица» работы Андрея Рублёва возвращена в Троицкий собор Троице-Сергиевой Лавры

Я молод был. Искал уединенья.
Томилось слово в сердце и в уме.
И мне однажды тонкое виденье
Ненастным днём явилось на холме.

Среди травы забытая икона:
Взирали, будто долгий путь пройдя,
Из иконы рублёвского канона.
Я их укрыл от ветра и дождя.

Я их укрыл от пуга Афганистана
И Карабах увещевал: "Остынь!"
Обернул от едкого дурмана,
Что нёс Чернобыль,
как звезда Полюнь.

Казалось, по иконе били танки
В каком-то жутиком, чёрном октябре.
Казалось, кто-то лютиль,
в вышиванке,
Как зверь, таился где-то на Днепре.

От грозных бед, маячащих в грядущем,
Икону предстояло охранять,
Но зло крепчал, было вездесущим,
Хотело зло трёх ангелов разнять.

А на столе залог единства — чаша,
Густым вином в ней русские века.
И я вкусил слезы и крови нашей.
О, чаша, чаша, ты была сладка!

А на столе залог единства — чаша,
Густым вином в ней русские века.
И я вкусил слезы и крови нашей.
О, чаша, чаша, ты была сладка!

А на холме выпрямились травы.
А на холме порасцвели цветы.
В себя вобрал он земли всей Державы.
Промолвил ангел: "Холм насыпал ты".

Михаил КИЛЬДЯШОВ

ДУГИН

Автор Четвёртой политической теории

Мы продолжаем презентацию проекта "Светочи", размещённого на сайте zavtra.ru. Проект посвящён выдающимся деятелям отечественной науки, искусства и культуры, связанным с газетой "Завтра".

НА ЗАПАДЕ ПРИНЯТО, особенно после начала СВО, представляют Александра Гельевича Дугина (р. 7 января 1962 г.) чуть ли не "идеологом путинизма" и "кремлёвским философом", а его взгляды трактовать как близкие фашизму или даже прямо фашистские. При этом различные моменты его личной биографии активно используются для дискредитации высказываемых им идей, которые "считаются настолько опасными, что украинское правительство убило его дочь, а Amazon не продаёт его книги" (Такер Карлсон). Про персональные санкции против Дугина на уровне даже не государственном, а надгосударственном, всего "альянса демократий" в данном контексте можно было бы даже не упоминать, но для полноты картины применительно к бытию принципа "свободы слова" сегодня это всё же необходимо. И если принимать "демократические" нарративы (а принимать их не стоит), то Александр Гельевич в соаведении светочей газеты "День" "Завтра", наверное, в большей степени, чем кто-либо ещё, имеет право претендовать на символический статус "чёрного солнца".

"Познай, где свет, — поймёшь, где тьма", — написал больше ста лет назад в поэме "Возмездие" Александр Блок. Верно ли обратное этому утверждению? Можно ли (и нужно ли?) познать, где тьма, для того чтобы понять, где свет? И чем чревато подобное познание? Ведь "свет во тьме светит, и тьма не объяла его" (Ин. 1:5) Но "Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю" (Пушкин), а искушение свободой и плодами от древа познания добра и зла (эти понятия: "добро", "зло" и "познание", видимо, взаимосвязаны так, что одно без другого и третьего не существует) не случайно признаётся всеми авраамическими религиями как основание земного бытия человека и человечества в целом. Со времён Южинского кружка — уже не "мамлеевского", а "гопловинского" периода — Дугина можно назвать человеком упоения боем и бездной в их метафизическом измерении по преимуществу и прежде всего. Такая вот ноомахия, с переходами из абстракции в реальность, из теории в практику и обратно — чаще всего и как правило, трагическими...

Но сказать, что Дугин живёт, чувствует и мыслит трагично, наверное, было бы упрощением его бытийной ситуации. Сама сущность Дугина "от истоков и корней" — трагична, он — до трагедии и её героями и жертвами, он — мифологичен и хтоничен.

А ещё — что, возможно, самое важное — он самостоятельно доказывался до этих своих истоков и корней и продолжает этим заниматься, неоднократно меняя направление и глубину этих поисков, но не отрешаясь от обнаруженных при этом артефактов (в отличие от их идентификации). Ещё в "застойных" 80-х годах он начал активно осваивать комплексный широкий спектр европейской и мировой "правой" мысли, некоммунистической и неллиберальной, "третьего пути" ("в рамках ультрареволюционного традиционалистского неконформного интеллектуализма Генона и Эволя"), с конца 80-х — столь же активно знакомить с ним перестроенное советское и рыночное постсоветское общество, а с конца 90-х, после выхода из Национал-большевистской партии, его трансляция "новой правой" сменялась генерацией уже собственного дискурса, который не сводится к линейной проекции "лево-правого" мышления, к плоскостной проекции геополитики и даже к объёмной проекции Традиции (с большой буквы, подразумевающей наличие ценностно-смысловой иерархической вертикали "верха" и "низа").

Если вспомнить рассказанный Гейдаром Джемалем тест с нарисованным на листе бумаге кругом, где испытующему предлагается в произвольном месте поставить точку, то Дугин, образно говоря, сейчас пытается поставить свою точку не в центре круга, не внутри него, не вне круга и не на обороте листа, а по какой-то оси четвёртого измерения, перпендикулярной и оси абсцисс, и оси ординат, и оси аппликат, но неизменно, хотя, может быть, и не сразу, оказывающейся в фокусе внимания. Со стороны это может казаться не слишком удачными упражнениями в неких магических практиках: философских, политических, исторических, культурных и так далее, — но для самого Александра Гельевича это, выражаясь языком философии, способ "экзистенции" как личностного и сущностного бытия в его полноте. А топология N-мерных пространств — не коллективная галлюцинация заумных математиков...

Понятно, что в этом "четвёртом измерении" важна даже не правота и правильность Дугина (в контексте "новых правых" в том числе), а само пребывание его в подобной сетке координат.

Что и вызывает пристальное внимание ведущих публичных идеологов Запада к нему как неопознанному феномену Русского Мира. Тем более, что Дугин не просто знает десятки языков — он и говорит на языке, доступном и понятном этим идеологам. В качестве примера можно привести выдержки из его недавнего нашумевшего интервью с Такером Карлсоном (говорили об отказе Запада от традиционных ценностей): "Всё началось с индивидуализма... с протестантской реформации и с номинализма, с номиналистского отношения к тому, что нет никаких идей, есть только вещи. Индивид — ключевое понятие, поставленное в центр либеральной идеологии. Либерализм — это освобождение индивида от любой коллективной идентичности. Оставалось освободиться только от двух коллективных идентичностей. Первая — гендерная. Освобождение от пола привело к трансгендеру, ЛГБТ* и к новым формам сексуального индивидуализма — пол стал необязательным. И это было не просто отклонением от либерализма, а обязательным элементом реализации этой идеологии. И сейчас мы, а, вернее, вы на Западе выбираете тот пол, который хотите. А второй, последний шаг, который ещё не сделан полностью, — освобождение от человеческой идентичности, необязательность быть человеком. И у этого есть названия — трансгуманизм, постгуманизм, сингулярность, искусственный интеллект. Клаус Шваб, Курцвейл и Харари открыто заявляли, что такое неизбежное будущее человечества".

Дугин утверждает, что такое будущее не является неизбежным.

* Запрещённая в России экстремистская организация

Владимир ВИННИКОВ

МОСКОВСКИЕ ГРЁЗЫ

Проект планировки Дзержинского района Москвы, выполненный архитектурно-планировочной мастерской № 4 под руководством Г.Б. Бархина (1935 год)

в период 1900-х–1910-х годов сюда пришли negociants, решившие сделать из этого сомнительного угла настоящий бизнес-квартал.

Вот эскизы братьев Весниных — фешенебельный доходный дом с конторскими помещениями, синематографом и магазинами на первых этажах. Замысел был осуществлён более чем наполовину, однако помешала Первая мировая война и последующие социальные потрясения, а сооружение по адресу Сретенка 26/1 существует и по сию пору. Что же касается братьев Весниных, то они вошли в историю архитектуры как гении советского конструктивизма, а их доходные дома в духе ар-нуво рассматриваются лишь как разминка перед великим прорывом.

А тут ещё один буржуазный монстр — здание торгового дома Якова Ролла, также совмещавшее коммерческую и жилую функции. Оно должно было занять квартал, ограниченный Сретенкой, Пушкарёвым и Большим Головинским переулками. Авторами проекта выступили всё те же братья Веснины в содружестве с Алексеем Милочкиным, совладельцем архитектурно-строительной конторы, где и начинали Веснины.

Роскошное, даже претенциозное сооружение с высокой аркой и колоннами также не удалось возвести полностью. В 1920-х годах недостроенный фрагмент вдоль Пушкарёва переулка был включён в новый жилой дом с театром — сейчас это филиал Театра имени Маяковского, так называемая Сцена на Сретенке.

Центральной темой — Сухарева башня, об утрате которой и сейчас печалятся искусствоведы. Впрочем, только ли они? Этот шедевр

нашего барокко, знак петровского царствования, был одной из мощных городских доминант. Михаил Лермонтов писал о башне на Сухаревке: "Она гордо взирает на окрестности, будто знает, что имя Петра начертано на её мшистом челе! Её мрачная физиономия, её гигантские размеры, её решительные формы, — всё хранит отпечаток другого века, отпечаток той грозной власти, которой ничто не могло противиться".

Владимир Гиляровский не был в восторге от демонтажа. По сути, уничтожили один из самых привлекательных московских мифов: "Высоко стояла вековая Сухарева башня с её огромными часами. Издалека было видно. В верхних её этажах помещались огромные цистерны водопровода, снабжавшего водой Москву. Много легенд ходило о Сухаревой башне: и колдун Брюс делал там золото из свинца, и чёрная книга, написанная дьяволом, хранилась в её тайниках. Сотни разных легенд. По воскресеньям около башни кипел торг, на который, как на праздник, шла вся Москва, и подмосковный крестьянин, и заезжий провинциал".

В начале 1930-х годов разгорелась нешуточная борьба: то выступали за тотальную зачистку территории, то предлагалась грамотная реконструкция. Мечталось написать эту странно-волшебную башню в ампириный квартал, тогда как деревянные домишки да купеческие особнячки несли за ненадобностью. Ленинградский зодчий Иван Фомин, сторонник неоклассики, явил свой вариант, где петровская эпоха "встречалась" со сталинской, что было бы исторически справедливо, но градостроительный диспут пререкли и с башней распространился, как и со многими интересными сооружениями. Объяснили, что она будет мешать движению да и вообще довольно уродлива в своей эклектике.

На выставке есть два проекта Фомина — с башней и уже без неё. Прохладный, величественный питерский дух, коему архитектор никогда не изменял, и если не обращать внимание на статуи, символизировавшие социалистическую индустрию, то всё это покажется николаевским стилем. Кроме того, имеется и часть плана реконструкции Москвы 1935 года с сохранённой Сухаревкой, которую обозначили точкой сборки целого района, но, как было сказано выше, власть не стала утруждать себя, вычеркнув башню из московской хроники.

С конца 1930-х на карте города появилась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка — ВСХВ, и было принято решение сделать из 1-й Мещанской улицы эффектную магистраль, соединяющую